

«Я помню чудное
мгновение...»

История создания

**Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты.
Как мимолетное виденье.
Как гений чистой красоты.**

**В томленьях грусти
безнадёжной,
В тревогах шумной суеты.
Звучал мне долго голос
нежный**

**Ишли годы. Вышли порывы.
мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.**

**В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.**

**Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.**

**И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.**

Если спросить, какой романс один из самых знаменитых, почти единодушный ответ будет: «Я помню чудное мгновенье»

Михаила Глинки на стихи Александра Пушкина.

История этого романса началась в 1819 году, когда на одном из вечеров в доме Алексея Николаевича Оленина, президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки, Пушкин (а ему не было тогда и двадцати лет) увидел девятнадцатилетнюю племянницу Оленина **Анну Керн**. 📢

Играли в шарады. Анне Керн досталась роль Клеопатры. В руках она держала корзинку с цветами. Пушкин вместе с ее братом Александром Полторацким подошел к Анне, быстро взглянул на юную красавицу, на цветы и, указывая на Полторацкого, с усмешкой спросил по-французски: «А роль аспида предназначена, конечно, этому господину?»

Пушкин был наслышан о нежных отношениях Анны с братом.

«Я нашла это дерзким.— вспоминала много лет спустя Анна Петровна,— ничего не ответила и ушла...»

Почему же «дерзким»? Напомним, что по преданию египетская царица Клеопатра умерла, ужаленная ядовитой змеей — аспидом — в грудь. Такая шутка, как видим, во времена молодости Пушкина и Анны Керн почиталась дерзкой.

Но вернемся в дом Оленина. За ужином Пушкин неотступно наблюдал за Анной и не жалел похвал ее красоте. Потом между поэтом и Полторацким завязался шуточный разговор. Анна запомнила его на всю жизнь: «...разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: «Во всяком случае, в аду будет много хороших, там можно будет играть в шарады. Спроси у мадам Керн: хотела ли бы она попасть в ад?» Я отвечала очень серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю... Когда я уезжала и брат сел со мною в экипаж, Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами...»

Анна Петровна Керн.
Рисунок А.С.Пушкина.

Быть может, впечатление, которое произвела на поэта юная красавица, оказалось столь необычным еще и потому, что Пушкин был слышан о несчастливом замужестве «мадам Керн»? Выросшая в богатстве роскоши в доме деда с материнской стороны, орловского губернатора, а потом и сенатора Ивана Петровича Вульфа, любимая и обласканная родными, Анна с детства трепетала только перед одним человеком, только одного не могла послушаться — своего отца Петра Марковича Полторацкого. Он-то и был главным виновником ее замужества. Живя у родителей в Лубнах, Анна приглянулась дивизионному генералу Ермолаю Федоровичу Керну. Ей шел семнадцатый год. Генералу было пятьдесят два. Старый служака, он превыше всего почитал военные игры — смотры, парады, маневры, обожал фрунт, всему предпочитал военную карьеру и чины. А она... С детства она никогда не играла даже в куклы, много читала и воображала себя романтической героиней прочитанного. Ум ее развивался, красота расцветала, наблюдательность обострялась, суждения отличались самостоятельностью, и вовсе не девичьей оригинальностью. Трудно вообразить большую противоположность: генерал, считавший книги «дурью», и юная восторженная девушка, вычитавшая весь свой мир книг. О какой любви с ее стороны могла быть речь?

К ней сватались многие. Родители всем предпочли Ермолая Федоровича Керна. А как отнеслась к этому сама Анна?

«От любезничаний генеральских меня тошнило, я с трудом заставляла себя говорить с ним и быть учтивою, а родители все пели похвалы ему... Я знала, что судьба моя решена родителями, и не видела возможности изменить их решение...»

У посланницы генерала Анна спросила: «А буду я его любить, когда сделаюсь его женою?» Та сказала: «Да!»

«Его поселили в нашем доме и заставляли меня быть почаще с ним. Но я не могла преодолеть отвращения к нему и не умела скрыть этого. Он часто высказывал огорчение по этому поводу и раз написал на лежащей перед ним бумаге:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах...

Я прочла и сказала: «Старая песня!»

«Я покажу, что она будет не старая,— вскричал он и хотел что-то продолжать; но я убежала... Я венчалась с Керном 8 января 1817 года в соборе. Все восхищались, многие завидовали...»

В 1818 году у Кернов родилась дочь Катя, Екатерина Ермолаевна. Она еще появится в нашем рассказе.

А в 1819 году случилась первая встреча Пушкина и Анны Керн у Олениных.

А она, забыла ли она Пушкина? Нет, за эти годы она стала восторженной поклонницей его стихов. Об этом сообщил Пушкину его приятель Аркадий Родзянко, поместье которого было по соседству с поместьем родных Анны Петровны в Лубнах. В письме этом поэт нашел и приписки, сделанные рукою Анны Петровны. Он ответил насмешливым стихотворением «К Родзянке». Как будто и впрямь забыл и «голос нежный», и «небесные черты»... Между тем разрыв ее с генералом Керном стал неотвратим. В июне 1825 года Анна Петровна прикатила в Тригорское к тетушке Прасковье Александровне Осиповой. Пушкин жил рядом в Михайловском.

Она ждала его ежечасно. Потом она вспоминала: «Мы сидели за обедом... Как вдруг вошел Пушкин... Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость была видна в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться; он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен,— и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту... Когда же он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, острою и увлекательностью его речи... Однажды... он явился в Тригорское с своею большою черною книгою, на полях которой были начерчены ножки и головки, и сказал, что он принес ее для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих Цыган. Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу... Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности... он имел голос певучий, мелодический и, как он говорил про Овидия в своих Цыганах, «и голос шуму вод подобный». Через несколько дней после этого чтения тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское...»

В своих воспоминаниях Анна Петровна описала эту лунную июньскую ночь в Михайловском. В этом описании, прозаическом, очень женском, как будто заложена вся предыстория пушкинского лирического шедевра. Вот отрывок из воспоминаний Анны Петровны:

«Приехавши в Михайловское. мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, «приют задумчивых дриад», с длинными аллеями старых деревьев, сирая которых, сплетясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать... На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою Анною Николаевной Вульф. Он пришел утром и на прощание принес мне экземпляр 2-й главы Онегина, в неразрезанных листках, между копий я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги его стихами: Я помню чудное мгновенье...»

Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять: что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих Северных Цветах...»

Пушкинисты уточнили: вернее всего, что Пушкин передал Керн первую главу «Онегина» — вторая глава тогда еще не вышла. Но в остальном воспоминания Анны Керн считаются правдивыми и искренними. Стихи действительно напечатаны в альманахе «Северные цветы» в 1827 году.

Да, Пушкин влюбился в Анну Керн страстно, ревниво и благодарно. До конца года он будет посылать ей письма, с нежностью вспоминая прежние встречи, надеясь на новые, будет звать ее в Тригорское, в Михайловское и ждать, ждать...

После разрыва с мужем Анна Петровна вернулась из Риги в Петербург, даже жила одно время у родителей Пушкина. Она очень подружилась с его сестрой Ольгой. В нее влюбился младший брат Александра Сергеевича Левушка и тоже писал ей стихи. Она нравилась отцу поэта, и он дарил ей духи. Но сам великий поэт уже охладел к ней.

С Михаилом Ивановичем Глинкой Анна Керн познакомилась в 1826 году.

Но когда и как Глинка «нашел пушкинский стих»? Конечно, он мог прочесть «Я помню чудное мгновенье» в «Северных цветах». Но предлагал ли Пушкин композитору писать романс на стихи, посвященные Анне Керн?

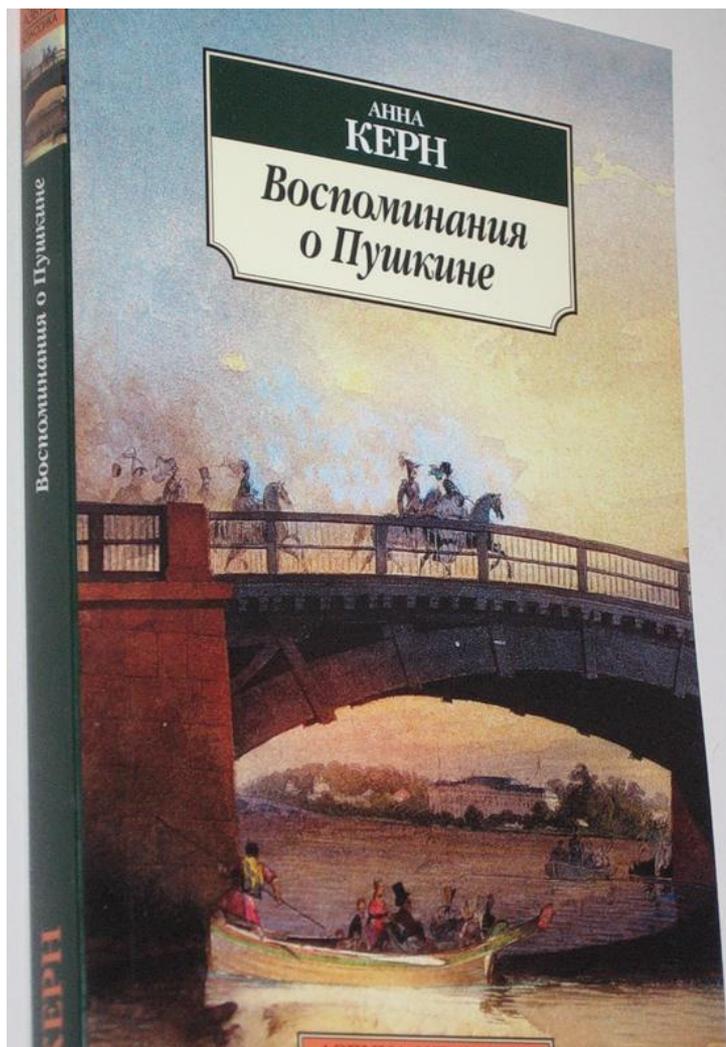
Племянник Пушкина Л. Павлищев в «Воспоминаниях об А. С. Пушкине» утверждал, что Глинка впервые исполнил «Я помню чудное мгновенье» в начале 1830 года в доме его родителей в присутствии поэта и Анны Керн и что его отец (муж сестры Пушкина) аккомпанировал на гитаре. «Дядя, выслушав романс, бросился обнимать обоих исполнителей» (то есть Глинку и Павлищеву). Анна Петровна «сконфузилась, прослезилась от радости». А в сноске к этой странице воспоминаний Л. Павлищев добавляет: «Появился этот романс Глинки в печати действительно в 1839 году, значит, 9 лет спустя, и появился уже в другом виде. А что всего замечательнее, Глинка тогда его написал не для Анны Петровны, а для дочери ее — Екатерины Ермолаевны Керн, — на которой он хотел жениться».

Ныне, однако, знатоки творчества Глинки считают, что романс и написан был тогда, когда Глинка познакомился с Екатериной Керн, уже после гибели великого поэта. И хотя сам композитор нигде не признался, что посвятил романс Екатерине Керн, но это было действительно так, и в семье Екатерины Ермолаевны об этом хорошо знали.

Итак, первое знакомство Глинки с Анной Керн относится к 1826 году.

В зиму 1828/29 года все они: Пушкин, Глинка, Анна Керн — часто встречались у Олениных, у Дельвига, у пианистки Марии Шимановской... Судьбе было угодно, чтобы композитор, брак которого был неудачен (жена Глинки ко всем прочим недостаткам обладала еще ненавистью к музыке), полюбил столь же сильной любовью дочь, какой поэт любил мать — Анну Керн. Как-то Михаил Глинка, зайдя к родственникам, жившим в Смольном институте, впервые увидел Катеньку Керн. К тому времени ее родители окончательно расстались, хотя генерал все еще писал жалобы на жену императору, дабы Николай I заставил Анну Петровну «силою закона жить совместно с мужем».

Катенька Керн тяжело переживала семейный разлад, хотя чаще всего жила далеко и от матери и от отца: сначала училась в Смольном институте, а потом осталась там классной дамой.

28 марта 1839 года Михаил Иванович увидел ее. «Она была нехороша,— писал Глинка,— даже нечто страдальческое выражалось на ее бледном лице... мой взор невольно останавливался на ней: ее ясные выразительные глаза, необыкновенно стройный стан... и особенного рода прелесть и достоинство, разлитые во всей ее особе, все более и более меня привлекали».

Она превосходно знала музыку, обнаружила тонкую, глубокую натуру. «Вскоре чувства мои были вполне разделены милою Е. К.,— вспоминал Глинка.— и свидания с вей становились отраднее...» Не только на романс, но и на замечательный Вальс-фантазию вдохновляет композитора Катенька Керн.

Теперь она живет с матерью на Дворянской улице, на Петербургской стороне в Петербурге, живет небогато и скромно. Отказавшись от генеральской пенсии, Анна Петровна вскоре выйдет замуж по горячей любви за мелкого чиновника, который на двадцать лет моложе ее, коллежского асессора Маркова-Виноградского. Она с гордостью будет носить его фамилию, найдет тихую пристань и счастье в жизни с ним, станет печь прекрасные пироги, которыми не нахвалится Глинка. И часто станет повторять чьи-то слова: «Каждый должен сам выработать себе счастье. Это в особенности относится к супружескому состоянию». А раньше, когда Анна Петровна была помоложе, ее любимым афоризмом были другие слова: «Течение жизни нашей есть только скучный и унылый период, если не дышишь в нем сладким воздухом любви».

Екатерина Керн и Михаил Глинка «дышали сладким воздухом любви», но «выработать счастье» им не удалось.

Екатерина Керн тяжело заболела. Подозревали чахотку. Глинка мечтал уехать с нею в теплые края, лечить ее. Планам этим, по разным причинам, не суждено было сбыться.

Глинка проводил Анну Петровну и Катеньку в Лубны, а сам отправился в свое родное имение Новоспасское. Они разлучились навсегда.

Екатерина Ермолаевна до самой смерти (она умерла в 1904 году, намного пережив Глинку) продолжала любить его.

Осталось досказать немного. Но для этого вернемся от «второй музы» романса «Я помню чудное мгновенье» к «первой его музе» — Анне Керн. Из ее воспоминаний видно, как долго еще Пушкин волновал ее сердце, как ревниво и зорко следила она за ним, особенно после его женитьбы, и как была счастлива, если он оказывал ей прежние знаки внимания.

Вот несколько штрихов.

1827 год. Пушкин еще холост. Анна Керн пишет: «Именины праздновал он в доме родителей, в семейном кругу, и был очень мил. Я в этот день обедала у них и имела удовольствие слушать его любезности... На другой день... я предложила ему прокатиться в лодке. Он согласился, и я опять увидела его почти таким же любезным, каким он бывал в Тригорском».

1828 год. Пушкин по-прежнему холост. «Мы вместе с Александром Сергеевичем, — вспоминала Анна Петровна, — имели поручение от его матери Надежды Осиповны принять и благословить образом и хлебом новобрачных Павлищева и сестру Пушкина Ольгу... Несмотря на озабоченность, Пушкин и на это раз был очень нежен, ласков со мною...»

Но вот Пушкин женился, и Анна Петровна пытается найти в его поведении признаки охлаждения к жене. А Наталье Николаевне не склонна прощать страсти к светским удовольствиям, которых не чуждалась и сама. Пушкин не забыл Анну Петровну и в последние годы жизни в своих записях все еще называл ее «прекрасной дамой».

Потом к ней пришла старость. Когда ей было шестьдесят четыре года, ее увидел Иван Сергеевич Тургенев. Он сообщил Полине Виардо: «На месте Пушкина я бы не писал ей стихов...» Поспешное замечание! Кто-нибудь мог бы сказать что-то подобное и о Тургеневе и Полине Виардо. Ведь старость Анны Керн — завершение бременной жизни. А стихи ей Пушкина — послание всем любящим в вечность.

Муж Анны скончался в январе 1879 года, а она пережила его всего лишь на четыре месяца. Существует легенда, будто гроб с телом Анны Керн повстречался с памятником Пушкину, когда его ввозили в Москву, с тем самым памятником, который украшает нашу столицу и поныне.

Но было иначе. Глыба гранита пьедестал для фигуры Пушкина— застряла возле дома, где жила престарелая Анна Петровна. Пытаясь сдвинуть глыбу, рабочие начали громко подбадривать друг друга. Анну Петровну встревожили крики. Ей объяснили, что произошло. Она улыбнулась: «Наконец-то! Ну, слава богу! Давно пора...» И до самой смерти все спрашивала: ну как, строится памятник Александру Сергеевичу? До открытия памятника она не дождалась. Пушкин и Глинка воздвигли «памятник нерукотворный» и ей, и ее дочери, памятник на все времена во славу «чудного мгновенья любви». В музыке романса — нежность и страсть расцвета влюбленности, горечь разлуки и одиночества, восторг новой надежды. В одном романсе, в нескольких строчках — вся история любви, которая повторяется из века в век. Но никто и никогда уже не сможет выразить ее так, как это сделали Пушкин и Глинка. Пушкин и Глинка воздвигли «памятник нерукотворный» и ей, и ее дочери, памятник на все времена во славу «чудного мгновенья любви».

Могила А.П.Керн

Презентацию подготовила учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 7 Мурадян Н.З.

Литература:
<http://pishi-stihi.ru/>